

Кудрей льняных сияющая грива
Ему ложилась на плечи красиво,
И чист был ровный и прямой пробор,
А серых глаз неотразим был взор,
И рядом с ними меркли свечи, тухли.
Носил всегда он вырезные туфли,
Что так нарядны были и мягки;
Предпочитал он красные чулки.
Любил наряд изысканный и чистый:
Подрясник синевато-серебристый
И густо изукрашенный шнуром,
Стихарь с нашитым на него крестом,
Весь белоснежный, как бутон на ветке.
Он весельчак был и красавец редкий,
Умел он кровь пустить, постричь, побрить,
Составить просьбу, опись учинить,
Знал он всех танцев сложные фигуры,
Поклоны, выверты и позытуры,
Как их в Оксфорде принято плясать;
На скрипке мог он песенку сыграть,
Пел дискантом, пуская громко трели,
И посещал таверны и бордели.
Он, не смутясь, входил в веселый дом,
Но был конфузлив кое в чем ином:
Не выпускал он ветра на простор,
Не ввязывался в вольный разговор.
С кадилом шел он в церкви по рядам,
Испепеляя взором многих дам,
Но видел он лишь плотника жену,
Любил ее, хотел ее одну.
Глядеть, и то какая сердцу радость,
Побыть же с ней – немислимая сладость!
Ему она казалась Венерой;
Будь он котом, она же мышью серой, -
Расправился бы с нею он тотчас,
Но превосходство укрощает нас.
Носил он в сердце к ней любовь такую,
Что и взглянуть не мог бы на другую:
Хотя б сама ему навстречу шла,
Она б одно презренье в нем нашла.
Лишь поднялась на небосвод луна, -
Не находя ни отдыха, ни сна,
С гитарой вышел он, в надежде смутной
Расшевелить в красавице минутный
Порыв сочувствия, коль не любви;
И, подавляя полымя в крови,
Приблизился он к Плотникову дому,
Он всю любовь и всю свою истому,
Все обожание и тягу к ней
Вложил в куплеты песенки своей.
Лишь только замолчали петухи,
Как голосом, от робости глухим,
Запел он первые свои куплеты.
Подобные слагали все поэты:
«К моей любви, миледи, снизойдите